

# Екатеринбургская неделя.

1889. 23 апреля. № 16.

С. 344-345.

## Журнальные замѣтки.

„Северный Вѣстникъ“. Мартъ. Приятною неожиданностью можно считать появленіе драмы А. Чехова: „Ивановъ“, — неожиданностью главнымъ образомъ потому, что незначительныя вещи, выходяшія изъ подъ пера этого беллетриста, не давали возможности предвидѣть такого широкаго размаха мысли, такой способности схватить именно моментъ времени и воплотить его въ образъ, исполненномъ художественной правды. Тонко задуманный и проведенный въ главныхъ своихъ основаніяхъ безукоризненно, типъ Иванова стоитъ передъ нами, какъ живой со своей скорбной физиономіей. Это — художественная иллюстрація къ вопросу о нервныхъ заблѣваніяхъ. Последнія являются какою то роковой неизбежностью для людей съ повышеннымъ самочувствіемъ, съ идеальными стремленіями служить добру и пользѣ. Когда намъ говорить о грѣхахъ молодости, о физическихъ ненормальностяхъ и т. п., какъ причинахъ раннаго израсходованія нервной энергии — это заставляетъ насъ относиться къ подобнымъ явленіямъ исключительно, какъ къ болѣзнямъ. Но лишь только растрата нервной силы не является результатомъ подобныхъ причинъ, какъ это мы видимъ у Иванова, а зависитъ отъ контраста между внутреннимъ міромъ человѣка, выразителя извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ и самой общественной жизнью, то болѣзнь становится общественнымъ бѣдствіемъ. Дамокловымъ мечемъ, занесеннымъ на все то, что есть лучшаго и благороднаго въ каждомъ обществѣ, въ каждой странѣ и у каждого народа. Прежде, чѣмъ коснуться художественной стороны драмы „Ивановъ“, намъ хотѣлось-бы выдѣлнить ея общественное значеніе. Ради этого — да проститъ намъ читатель небольшое уклоненіе и экскурсію въ другой журналъ, совершенно иного характера.

Въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за текущій годъ помѣщена статья, извѣстнаго своими психіатрическими изслѣдованіями Дмитрія Дриля, подъ заглавіемъ: „Психифизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями“. Въ разборъ статьи мы входимъ не будемъ, остановимся лишь на первомъ этюдѣ: „нервные и оскудѣлые разныя степеней“ для того, чтобы наилучшимъ образомъ освѣтить типъ „Иванова“. Тамъ дается характеристика одного изъ психо-физическихъ типовъ нервныхъ слѣдующими словами: „Нервные люди — это какъ-бы раззоряющіеся органическіе богатые или прежде зажиточныя организаціи въ различныхъ степеняхъ своего органическаго обѣдненія. Пренія, сравнительно благоприятныя, условія окружающей обстановки, среди которыхъ протекала жизнь восходящихъ \*) такихъ личностей, а иногда и ихъ самихъ въ предшествующіе періоды ихъ существованія, способствовали большому или меньшему конституціональному развитію хорошо имѣвшимъ и благоприятно унаследованному организму вообще и тѣхъ или другихъ частей его въ особенности“.

Посмотримъ: не подойдетъ-ли эта характеристика къ Чеховскому „Иванову“? Изъ отрывистыхъ монологовъ этого героя, изъ которыхъ мы узнаемъ, что еще годъ тому назадъ „онъ былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ, говорилъ такъ, что трогалъ даже неубѣжд... зналъ вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидѣлъ за рабочимъ столомъ“ или изъ ироническихъ рѣчей, обращенныхъ къ доктору Львову, гдѣ онъ софистуетъ, по собственному опыту, отказываясь „отъ невозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ рѣчей, отъ борьбы въ одиночку съ тысячами“, или изъ горделиваго сознанія, „что онъ вѣровалъ не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто въ уѣздѣ“ — изъ всего этого, дѣйствительно, можно заключить, что натура „Иванова“ была отъ природы одарена тѣми благами, которыя наиболѣе даютъ чувствовать полноту жизни, прелесть борьбы и радость торжества.

\*) Указывається на наслідкованість.

Казалось-бы, что такой человѣкъ — это высшій продуктъ культуры, вполне приспособленный къ жизни полезной въ высшей степени. И что же?.. Сила превратилась въ короткій срокъ въ безсиліе, горячая вѣра угасла въ самомъ корнѣ, любовь потухла и работа потеряла всякій смыслъ. Для читателя можетъ показаться неувѣрительнымъ такое быстрое раззореніе и намъ уже случалось слышать сомнѣніе въ психологической вѣрности подобнаго явленія, при чемъ указывалось именно на то, что сильная натура не могла-бы такъ скоро израсходоваться. Въ статьѣ г. Дриль мы находимъ слѣдующую мысль: „Нервность, вырабатываемая иногда въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, развивается въ сильномъ организмѣ сокращеннымъ процессомъ“; если примѣнить эти слова къ „Иванову“, то придется согласиться съ Чеховымъ: чѣмъ сильнѣе былъ его герой одаренъ отъ природы, тѣмъ энергичнѣе совершился въ немъ процессъ нервнаго оскудѣнія. Остались еще мгновенья, „когда духъ этого человѣка возбудить и поднять было можно до самого неба, но послѣ возбужденія наступалъ похмѣлье и этотъ духъ падалъ ниже, чѣмъ былъ“. Въ одно изъ такихъ бодрѣющихъ мгновенья Ивановъ покончилъ съ собой. Естественна-ли такая развязка? Можетъ быть реальнѣе было-бы заставить его влечить жалкое существованіе изо дня въ день, подъ давленіемъ гнетущей апатии? Но примите во вниманіе: Ивановъ не изъ породы Гамлетовъ, т. е. не изъ тѣхъ людей, чья мысль, анализируя парализуетъ волю. Это человѣкъ борьбы, живого дѣла, въ котораго онъ не видитъ ни смысла, ни цѣли жизни. Отнимите отъ такого субъекта способность работать и вѣрить въ продуктивность работы — и онъ нравственно умеръ. Какъ человѣкъ, высоко стоящій по своему развитію, Ивановъ не могъ не сознавать своей нравственной смерти, а отсюда одинъ шагъ до самоубійства, особенно, если припомнить факты его личной жизни — смерть когда-то любимой жены, замученной его холодною, отказъ отъ брака съ любимой дѣвушкой, полный крахъ всѣхъ его предпріятій... Заслуга Чехова лежитъ въ оригинальной постановкѣ причинъ нервной катастрофы съ Ивановымъ. Не потому Ивановъ выдохся, износился и пересталъ работать, что онъ имѣлъ плохую нервную организацію, а само нервное расстройство явилось послѣдствіемъ его энергичной дѣятельности. Не странно-ли это: имѣть полное соотвѣтствіе между силой и работой — и все-таки надорваться? Въдѣ съ такимъ человѣкомъ одной, такъ называемой, средѣ не сладить, она не заберетъ его. Значитъ, помимо качествъ и свойствъ труда, помимо противодѣйствія окружающей среды, что-то другое сдѣлало и трудъ бесполезнымъ и борьбу за идеалъ — борьбой съ вѣтранными мельницами. Это значитъ, что личность Иванова переросла рамки не только той среды, которая его окружала, она переросла устой русской жизни вообще, не годилась для склада русскаго общества и вся тяжесть этихъ непоколебимыхъ устоевъ и этого склада, какъ-бы отраженного стѣнами отъ дѣла времени и критики мысли, обрушились на него и разомъ покончили съ нимъ, какъ съ личностью. Ивановъ застрѣлился въ послѣднюю минуту вновь почувствовавъ себя человѣкомъ, и это нѣсколько смягчаетъ тяжелое чувство, навѣянное его трагической судьбой.

Что касается художественной стороны, то типы Иванова, Львова — представляющаго холодную честность, жены Иванова — Сарры, этого живого олицетворенія самопожертвованія, поражаютъ своей психологической вѣрностью, опредѣленностью и, если можно такъ выразиться, натуральностью. Даже добродѣтельная Сарра не испытала участія въхъ добродѣтельныхъ персонажей драмъ — она не суха и не скучна. Второстепенные персонажи обработаны далеко не такъ артистически: они всѣ шаблонны и дѣла мѣшаютъ цѣльности пьесы. Но за то они сглаживаютъ тяжелое впечатлѣніе, что, конечно, очень важно, особенно при постановкѣ пьесы на сценѣ. Во всякомъ случаѣ, и по содержанію, и по живости дѣйствія драма Чехова стоитъ выше всѣхъ другихъ пьесъ, появившихся за сезонъ 1887—1889 г.

Н. О-вой

< Остроумова Н. В. >